

Александр Зельгейм

Эпитафия

18+

Александр Зельгейм

Эпитафия

«Автор»

2026

Зельгейм А.

Эпитафия / А. Зельгейм — «Автор», 2026

Дождливый вечер. Полумрак. В глубоком кресле — пожилой мужчина с незрячими глазами. На столе: раскрытая тетрадь в потёртой кожаной обложке, старый диктофон, наградной пистолет. Тени на стене. За окном — Москва, размытая дождём. Это история последнего начальника советской внешней разведки Леонида Шебаршина. Молодой журналист приходит за интервью, но получает исповедь. Афоризмы, дневник, выстрел. Память. Эпитафия. Рассказ о человеке, который видел крах империи изнутри, но не сломался. О патриоте, который любил Родину и не продал её. Это не биография — это разговор, который состоялся. И который, хочется верить, не закончился. Пронзительно. Честно. Навсегда. Ключевые образы: дождь, тетрадь, пистолет, незрячий генерал, тени, память. Стил: трагический, философский, документальный. Цвета: приглушённые, серо-синие, с тёплым жёлтым светом лампы. Атмосфера: одиночество, достоинство, тишина.

© Зельгейм А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Александр Зельгейм

Эпитафия

Глава

Слово от автора

Прежде чем вы прочтёте этот рассказ, я хочу сказать несколько слов о человеке, чьи мысли легли в его основу.

Леонид Владимирович Шебаршин родился 24 марта 1935 года в Москве, в рабочей семье. Он не мечтал о погонах и орденах — в юности хотел стать лётчиком, но в авиацию его не взяли. Судьба распорядилась иначе. Он окончил МГИМО, работал переводчиком посла в Пакистане, затем — в Индии и Иране, где возглавлял резидентуры советской разведки. В 1989 году он стал начальником Первого главного управления КГБ СССР — последним начальником советской внешней разведки. В августе 1991 года, в дни ГКЧП, он в течение суток исполнял обязанности председателя КГБ СССР.

Он был **патриотом в самом прямом и неудобном смысле этого слова**. Не в том смысле, в каком это слово часто используют сегодня — как идеологический ярлык или политический лозунг. Нет. Его патриотизм был природным, естественным, лишённым всякого камуфляжа. Он не мог быть «немецким, французским или американским националистом» — он был русским, и это определяло всё. «Мы чувствуем себя людьми лишь потому, что у нас есть Родина, — писал он. — На этом мы будем стоять и с этой точки оценивать прошлое, судить о деяниях своих предшественников и современников, взирать в беспокойное будущее».

Он тяжело переживал распад страны, которой служил всю жизнь. В своих книгах — «Хроники безвременья», «Рука Москвы», «Реквием по Родине» — он не искал виноватых и не занимался самооправданием. Он **анализировал, свидетельствовал, предупреждал**. И шутил. Горько, едко, беспощадно — потому что смех был единственной защитой от отчаяния. Сам он говорил: «Если трезво взглянуть на жизнь, то хочется напиться». А его афоризмы, по точному замечанию критиков, «скорее отдают горечью, чем весельем».

Последние годы он тяжело болел. Он терял зрение — и 29 марта 2012 года записал в дневнике: «17:15 — отказал левый глаз. 19:00 — полностью ослеп». На следующий день его не стало. Ему было 77 лет.

Он оставил после себя не только книги и афоризмы. Он оставил **вопросы** — те самые «проклятые вопросы», которые сопровождали его всю жизнь: «Главный вопрос, который рано или поздно встаёт перед каждым человеком, — зачем я? В чём смысл моей жизни? В чём смысл моей работы?». И его ответ был ясен: «Смысл жизни — в служении делу. Не служба, а служение».

Этот рассказ — не биография. Это попытка услышать его голос. Голос человека, который видел крах империи изнутри, но не сломался. Который потерял зрение, но не потерял ясности ума. Который ушёл, сохранив достоинство.

Я не знаю, как правильно назвать то, что вы сейчас прочтёте — рассказом, эссе, памятником. Пусть это будет просто **разговор**. Разговор, который состоялся. И который, я очень надеюсь, не закончился.

Пролог

Спустя годы

Я до сих пор храню этот диктофон. Старый, с потёртой кнопкой записи, он лежит в верхнем ящике стола — рядом с очками, которые я уже почти не ношу, и пожелтевшей визиткой, на которой выцветшими чернилами выведено: «*Шебаршин Леонид Владимирович, генерал-лейтенант в отставке*».

Но главное — не диктофон. Главное — тетрадь. Та самая, в потёртой кожаной обложке, которую я взял со стола в тот вечер. Я не спрашивал разрешения. Просто взял — потому что не мог не взять. И теперь она лежит рядом с диктофоном, и я иногда открываю её, чтобы перечитать строки, написанные дрожащей рукой.

Иногда, когда за окном идёт дождь — такой же монотонный, как в тот вечер, — я достаю диктофон. Вставляю кассету. И слушаю.

Голос звучит глухо, с паузами, с этой его манерой произносить афоризмы так, будто каждое слово — последнее. Я до сих пор не могу понять, было ли это позёрством, или он действительно так думал. Наверное, всё-таки думал. Потому что позёрство не сочетается с той пустотой, которая стояла в его квартире. С тем запахом старой бумаги и оружейного масла. С тем остывшим чаем на столе.

Я пришёл к нему за сенсацией. Мне двадцать три, я был уверен, что мир устроен просто: есть прошлое, которое можно разложить по полочкам, и есть настоящее, которое можно объяснить через это прошлое. Я готовился к интервью неделю. Выписал вопросы на карточки. Отрепетировал вступление.

Он разрушил всё за пять минут.

Я не запомнил, как мы перешли от вежливых фраз к тому разговору. Помню только, что дождь усилился, что в комнате стало темно, что я забыл выключить диктофон. И что он говорил, говорил, говорил — афоризмами, цитатами, обрывками мыслей, — и каждая фраза падала в тишину, как камень в воду.

Я ушёл, потому что не мог больше дышать. Не от запаха — от того, что он говорил. От той безнадёжности, которая не кричала, а шептала. Я вышел на лестничную площадку, прислонился к стене и стоял так, наверное, минуту. Потом услышал выстрел.

Я не вернулся. Не смог. Я вызвал полицию с мобильного, уже на улице, и уехал домой. Диктофон остался у меня — я забыл его в спешке. Или, может быть, он сам его мне оставил. А тетрадь я взял сознательно. Я не знаю, почему. Может быть, потому что чувствовал: там — правда. Та, которую он не сказал вслух.

Это запись. Это его слова. Это — его эпитафия.

Эпитафия

Дождь бил в стекло монотонно, как метроном, отмеряя последние часы. В квартире пахло старой бумагой, оружейным маслом и крепким чаем — запах человека, который давно перестал ждать гостей. На столе стояла чашка с остывшим чаем, рядом лежали очки с толстыми линзами. Алексей Петрович сидел в глубоком кресле, накрыв колени пледом. Мир для него сузился до мутных пятен: он почти ничего не видел. Но слух и память остались острыми, как лезвие.

Молодой журналист Игорь нервно теребил диктофон. Ему сказали, что это легенда, что этот человек два с половиной года возглавлял внешнюю разведку и был последним, кто пытался удержать рассыпающуюся империю.

— Алексей Петрович, — начал Игорь, — сейчас так много говорят о возрождении, о том, что мы вот-вот вернёмся к великим свершениям. Что вы об этом думаете?

Старик усмехнулся. В его голосе послышалась усталая ирония:

— «У нас всё впереди. Эта мысль тревожит».

Игорь замер, не зная, как реагировать. Он попытался сменить тему:

— Но ведь мы должны учиться у истории. Мы должны помнить, как всё было...

— «Не стоит возвращаться в прошлое. Там уже никого нет», — резко отрезал Алексей Петрович. — И «нельзя насытиться воспоминаниями о прошлогоднем банкете». Ты пришёл ко мне за сенсацией, мальчик? Её не будет. Мы проиграли. «Когда определилась победившая сторона, оказалось, что на побеждённой стороне никого и не было».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.